



свободная газета свободных поэтов

# ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ



АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

О Евгении Игнатьевиче Сигарёве, сколько ни скажи, всё будет мало. Так он значителен. Родился 1 июня 1928 года в городе Рубцовске Алтайского края. Окончил 7 классов средней школы № 19 в городе Омске. В 1943 году бежал на фронт, но был пойман и направлен в только что открывшееся Ташкентское суворовское военное училище, которое окончил с золотой медалью в 1946 году. Затем учился в Высшем военно-морском пограничном училище в Ленинграде (1946–1950), на Высших ордена Ленина специальных офицерских классах, тоже в Ленинграде (1953–1954).

«Военно-морской офицер, капитан, бороздивший океаны и восторгающийся сопками Камчатки, приехал в Тверь в 1997 году и стал ее ярким поклонником, полюбившим всем сердцем и Волгу, и парк Берново, и дремучие уголки западного Андреаполя. Тверской край наполнил творческую личность Евгения Сигарёва новыми впечатлениями, которые вылились в стихи», – напишет о нём одна из его учениц-поэтов.

Вот от представителей «дремучих уголков» западной зоны области, где нам выпало жить, и пишу эти строки. Во-первых, он никогда бы так не сказал, поскольку был человеком удивительного такта. Во-вторых, он принял в нас большое участие. Будучи секретарем правления Союза писателей России, Евгений Игнатьевич не ограничил свою организаторскую литературную деятельность Тверью. Семинары молодых литераторов он не раз проводил и в нашем отдалённом уголке.

Помню встречу с ним в 2002 году в Торопецкой библиотеке, где собрались поэты из Торопецкого, Андреапольского и Западнодвинского районов. Мало того, перед семинаром он (Заслуженный работник культу-

## ИМЕНЕМ ЕМУ ОБЯЗАНЫ



На снимке: в Андреаполе; (фото из архива В. Я. Кириллова).

ры Российской Федерации, лауреат многих престижных литературных премий) через работников районных библиотек собрал наши стихи. Не посчитал за труд предварительно прочесть рукописные в большинстве каракули и на семинаре каждому присутствующему автору высказал пожелания и дал советы. Выслушал наше чтение, благожелательно поддержав понравившееся, а на неудачное, округлив глаза, с юмором вопрошал: «Как это, как это?». По итогам семинара в 2003 году был издан коллективный сборник «Поэзия истоков». Лучшие стихи участников семинара были опубликованы в журнале «Русская провинция». К сборнику андреапольских поэтов «Память отчего дома» (2009 г.) он написал предисловие. Благодаря его ободряющему слову появился и мой первый стихотворный сборник «Попутчица».

Это он назвал «западным форпостом» поэтов нашей зоны. И мы сохранили это название для межрайонного литературного объединения. Так же называли и газету, выходящую ежемесячно, в которой с большой охотой публикуются и поэты из Твери.

Всего семь-восемь личных встреч было с ним, но сколько от них пользы и впечатлений! До сих пор в памяти его искромётные экспромты, так легко сочиняемые за дружеским чаем. И, конечно же, его стихи, строки из которых намертво зацепились в памяти:

*Людей хулить я не посмею,  
Но передайте по рядам,  
Я говорю вам: «Честь имею!»  
И этой чести не предаю.*

**М. Петрова,  
Андреаполь.**



## Евгений Сигарёв

Поэт, заслуженный работник культуры РФ, Евгений Игнатьевич Сигарёв родился в 1928 г. в г.Рубцовске Алтайского края.

Служа в Таллинне, он стал победителем поэтического конкурса. Позднее стихотворения Е. И. Сигарёва появлялись на страницах многих литературных журналов, в сборниках и поэтических антологиях, в еженедельнике «Литературная Россия». В 1969 г. во Владивостоке была издана его первая книга «Улица уходит в океан». С 1966 по 1975 г. Е. И. Сигарёв руководил областным литературным объединением, а в 1979 г. был принят в Союз писателей СССР.

С 1997 г. поэт жил в Твери, где вышли его книги «Честь имею» (1999) и «Рождённый под песни России» (2004). В 2000-е годы Е. И. Сигарёв руководил созданным по его инициативе молодёжным литературным объединением «Рассветная звонница», учредил литературную премию «Родник», редактировал книги современных тверских поэтов, выступал в качестве рецензента и публициста, являлся членом редколлегии журнала «Русская провинция», членом правления Тверской писательской организации и секретарём правления Союза писателей России.

Скончался в 2010 г.

На снимке: На семинаре в Торопце; (фото представлено Торопецкой библиотекой).

## Мраморный зал

Старинный романс и цветы на  
рояле,  
От музыки в горле комок.  
А в Мраморном зале всё вальсы  
играли,  
И вальс нам, как случай, помог.  
Смешное знакомство, смешное  
пари:  
– Давайте кружиться вдвоём до  
зари?

Тот вальс уносил нас из зала далёко  
В торжественность белых ночей.  
Вдоль пушкинских окон, под  
окнами Блока  
Бродил он, и наш, и ничей.  
Сгорали сердца, загасив фонари.  
Кружились мы вместе до самой  
зари.

Друзей раскидало по дальним  
вокзалам,  
К повторам душа не лежит.  
Но вальс, наколдованный  
Мраморным залом,  
Всё также кружит и кружит.  
Давай доконаем смешное пари,  
Давай докружим до последней зари!

## Без напутственных слов

Отсмёются до слёз  
и отпляшут друзья до упада,  
Голоса их уйдут  
невозвратной дорогою звёзд.  
На планету мою  
опадёт перезвон листопада,  
Облетит календарь  
и забвеньё заступит на пост.

Без напутственных слов,  
без досмотра вещей на вокзале  
Мне единственный раз  
на посадку пройти повезёт.  
И не станет врагов,  
что меня от успехов спасали,  
И не станет друзей,  
от которых никто не спасёт.

И тогда улыбнусь я Земле,  
где посмел засидеться,  
Где любил я людей,  
безответно себя раздарив.  
Поскучнеет родня,  
посмотрев на размеры  
наследства.  
Время книги стихов  
по этапу отправит в архив.

Станут песни мои  
исполнятся всё реже и глуше.  
Я молчанье прощу,  
только с песнями я не прощусь,  
Потому что без них  
пропадут опустевшие души,  
Потому что под них

и смеялась и плакала Русь.  
Всем друзьям посошок  
поднесут, как ведётся на  
свете,  
И меня позовёт  
невозвратный ночной окоём.  
Через тысячу лет  
мы сойдёмся на этой планете  
И поклонимся ей,  
и свои одиссеи споём.

## У старого моста

Грустит в тиши горсада ожиданье.  
И снова нас к мосту, слышны едва,  
Приводят, как на первое свиданье,  
Не тронутые временем слова.

Вдвоём бредут за нами наши тени  
И охраняют, преданно скользя,  
Мужское покорённое смущенье  
И женские покорные глаза.

На набережной сада городского  
Застанет нас над Волгою рассвет.  
И нам опять из века золотого  
Посмотрит Пушкин бронзовый  
вослед.

## Послесловие к Дон-Кихоту

Из года в год,  
Из века в век,  
Не унимаясь, колобродит,  
Все ищет правду человек  
И не находит,  
Не находит.  
Большой и добрый,  
Он упрям  
И с ним всегда одна расплата:  
Он не сожжет –  
Воздвигнет храм,  
А помнить будут  
Герострата.  
Создаст богиню он, чудак,  
Но холст с улыбкою мадонны  
При жизни спрячут на чердак,  
Чтоб красть потом  
За миллионы.  
Его сжигают на кострах,  
Ссылают в глушь,  
Казнят в столице,  
Чтоб, доконав другим на страх,  
Его же именем креститься.  
А он – как на голову снег!  
Горит живой, не умирая.  
И снова ищет человек,  
И нет тому конца и края.  
Предавшим правду  
Не в пример,  
Опять СВОДЯ С неправдой счёты,  
Летит на мельницу в карьер  
Бесстрашный правнук Дон-Кихота.  
Летит с копьём наперевес,  
Летит, в добро и счастье веря.  
И снова целится Дантес,  
И вновь готовит яд Сальери.



## И СПАСИБО ЗА РЫБУ

– У, кирпичная каракатица!

Я шёпотом выругался и топнул по глади воды. Потом бросил на берег удочку, тоскливо посмотрев на оборванную леску. И ладно бы снасти потерять – запасов на три жизни хватит, ещё от отца осталось. Тем более знал про ту корягу, сижа-то известная, всегда с этого места рыбачу. Но не клевало совсем! А под корягой, может, и нашлась бы какая плотвичина. Нет же – нашёл только мороку на свою голову.

Домой пойти, что ли? Всякое настроение пропало, да и солнце уже ползет к зениту. Обидно. Дело ведь не в рыбе даже, тут же как – на жарёнку хватит и ладно. Но сам процесс! С утра улов – и день готов, любое дело с улыбкой спорится. Похоже, не в этот раз.

– Мееееяаау! – несогласно протянул кто-то за моей спиной.

Я обернулся. Кто-то оказался облезлым чёрным котом. Он дернулся, показалось, будто пожал плечами, хотя и странно говорить такое о животине. Потом махнул головой куда-то в сторону, маня за собой.

Нет, не думайте, что я пошёл за ним сразу. Я вообще не имею привычки следовать за котами. Но движение не было случайным. Отойдя от берега, кот остановился и посмотрел на меня, долго и осмысленно. Ждал.

– У, жужелица жареная!

Не люблю заставлять ждать. Поэтому я подхватил удочку, ведёрко, запихнул коробку с червями в разгрузку и двинулся за котом. Он удовлетворённо кивнул и свернул влево.

На самом деле, сижа на реке хватало. На деревне почти каждый первый пусть не рыбак, но удочку закидывать умеет. И у каждого есть свое любимое место. Вот тут, например, Порфирьич сидит. Ну не сейчас, а вообще. Но кот, остановившись на секунду, прошёл всё же мимо. Тропинку к затону, которую проделал в кустах Митяй, он и вовсе проигнори-

ровал. А вот у Михалычевой сижи затормозил как вкопанный, насторожился, прислушался и пошёл прямо к берегу, улёгшись на травке у самой воды.

– Что, здесь? А, кошатина?

Кот лениво мявкнул и двигаться явно не собирался. В этот самый момент в нескольких метрах от берега раздался всплеск. Надо же... Ну ладно, Михалыч всё равно в городе, да и нет тут никакой войны, как у дочери в Москве за парковочные места. Я достал запасные снасти – нацепил поплавок, прикусил грузило, начал привязывать крючок.

– Звать-то тебя как?

Вчера я ни за что не задал бы коту подобный вопрос. Но этот выглядел так, словно имя у него есть, и он его прекрасно знает.

– Мрррряу, – ответил кот.

– Не особо понятно. Ладно, будешь Мряв.

– Мряу, – подтвердил тот.

Я стрельнул взглядом в сторону кота, нацепил червя и забросил удочку. Поклёвка пришла ровно через минуту. Подсечка. Ёршик. Небольшой, но лиха беда начало. Может, день ещё и получится.

Я кинул рыбку Мряву. Новый червь. Новый заброс. Две минуты. Плотва. Я довольно ухмыльнулся и почесал кота за ухом.

– Мрррр...

\*\*\*

С сижи мы ушли часа через два. Один довольный, второй сытый. Не то, чтобы клёв был столь же активный, как в начале, но хватило и Мряву, и мне с Василисой на жарёнку, а мелочь вовсе отпускал с чистой совестью.

– Откуда же ты такой взялся, а, Мряв?

– Мрррряаа... – задумчиво протянул кот, явно не собираясь вдаваться в подробности.

– Понимаю. Я тоже о прошлом го-



**Артём Виноградов,**  
*Нелидово – Москва*

ворить не люблю. Но всё равно спасибо.

Мряв сделал то же движение, которое я принял за пожимание плечами.

– Да ладно тебе. Я, может, отблагодарить хочу. Добром за добро.

Кот посмотрел на меня удивлённо.

– Не, я понимаю, рыбой ты свою долю получил, но...

Мы как раз вышли на дорогу. Мряв вновь пожал плечами, но вдруг остановился и опустил голову. Он стоял на обочине, потом развернулся и пошёл поперёк, мне наперерез. И не дойдя до противоположного края лишь пару шагов, повернул ко мне голову и посмотрел грустно-грустно.

– Не понимаю тебя, друг.

Кот прошипел что-то, а потом забегал поперек дороги, прямо передо мной, но так же не касаясь обочины.

– Так, погоди, чёрный кот, дорога... Ой, перестань! Я не верю в приметы.

Мряв кинул на меня полный снисхождения взгляд, но потом снова погрузился в грусть.

– А ты, значит, в приметы веришь?



Кивок.

– Ты приносишь несчастья?

Кивок.

– Хочешь, чтобы я тебя от этого проклятия избавил?

Теперь Мряв посмотрел на меня с сомнением.

– Да, я тоже не знаю, как. Но давай попробуем. Пойдем, занесу снасти домой, Вася тебе молочка нальёт, а там уже покумекаем.

Надо признать, что по части освобождения от проклятий я был полным профаном. Как-то не приходилось этим заниматься. Бабака-шептунья есть знакомая, но кот... Отшепчет она кота? Вряд ли, чёрные коты – тема глобальная. Это испокон веков ведётся. Но что бы придумать?

Чёрный кот приносит неудачу. Что противопоставить неудаче? Удачу, логично же. Какие у нас приметы удачные? А! Я соскочил с дороги в поле, заросшее клевером.

– Есть шанс?

Я повернулся к коту, но тот посмотрел на меня крайне скептически.

– Что, не будешь клевер кушать?

– Пф! – фыркнул Мряв и, не говоря ни слова больше, ушёл вперёд.

– Лааадно!

Я полплёлся следом. Уже показались берёзки у околицы, а там через три дома и мой уже. Вообще, я согласен, четырёхлистник искать – та ещё задачка. Да и при чём тут коты к тому же? Нужно что-то ещё. Нужно, нужно, нужно...

– Мряв, точно!

– Мрррряяу? – от неожиданно-сти подскочил кот.

– Доверяешь мне?

Мряв наклонил голову, словно сомневаясь в ответе, но всё же кивнул.

– Тогда беги в тот конец деревни. Прямоком по главной улице. Спрячься и жди. И помни – Председатель шумный, но не страшный. А там сам всё поймёшь.

Кот округлил глаза, но снова кивнул. И устремился в указанном направлении. А я свернул влево, чтобы обогнуть деревню по окраине. План, конечно, такой себе, но если получится – выйдет забавно. Главное, чтобы все участники оказались на месте.

Оказались. Я примостился за ку-

стом и наблюдал, как Председатель роется в куче мусора за домом Федотишны. Вы не подумайте, Председатель – пёс. Дворовой породы. Когда колхоз развалился, жители решили, что председатель всё равно должен быть. И взяли на эту роль прибывшего в тот же год пса. Не то, чтобы свои председательские обязанности он выполнял исправно, но народ его подкармливал, хотя и на свалку Председатель наведывался регулярно.

А где Графиня? Вижу. Гуляет по саду. Пышных форм трёхцветная персиянка. Они с Председателем – давние... оппоненты. Ну сами понимаете – дворянка и пролетариат. Но как и в жизни, рабочий класс победил, а Графиня теперь по большей части обретается за забором у Ивановны. Осталось её оттуда выгнать. Хорошо, что Ивановна увязалась в город за Михальчем.

Я перепрыгнул через забор и шуганул кошку, покрикивая и стуча удочкой, все ещё остававшейся у меня в руке, по забору. Направление атаки я выбрал правильное, так что Графиня рванула по единственному оставшемуся вектору – через дырку в заборе и на улицу. Где её, как и ожидалось, заметил Председатель, залившийся радостным лаем.

Разумеется, я тоже хотел это видеть. Пёс вылетел из-за угла с шумом и настойчивостью танка, на который собирали деньги всем колхозом семьдесят лет назад. Графиня остановилась как вкопанная и скрыться явно не успевала. Но на её счастье тут же раздался такой восхитительный «Мррррряяяяууу!», которому позавидовала бы даже сирена ПВО. Мряв, недолго думая, пошёл на таран и врезался в Председателя, делая честь самым опытным японским камикадзе.

Пёс натурально отлетел в сторону, взвыл и уставился на нового противника. А Мряв шипел и явно не собирался уклоняться даже от прямого столкновения. Суть Председатель уловил сходу и драться не стал. Гавкнул для острастки и отступил к своей куче. А Графиня внимательно осмотрела своего спасителя и решила не обращать особого внимания на неказистый вид.

Я уж не стал дожидаться результатов их знакомства – всё там будет

хорошо. Отдал Мряву честь и отчалил в сторону дома. Думаю, план сработает. Кому как не трёхцветной кошке нейтрализовать проклятие моего друга? Такая вот математика.

\*\*\*

Прошло пару дней.

Я шёл к реке, когда за моей спиной раздалось синхронное мяуканье. Мряв и Графиня шли бок о бок, явно стремясь догнать меня.

– Ну привет, ребята. Как вы?

Кот уставился на меня с видом: «Сам-то как думаешь?».

– Понимаю. Ну пойдём. Знаешь, где сегодня клевать будет?

– Пф, – ответил оскорблённый в лучших чувствах Мряв.

Он-то, конечно, знал. И, поведя за собой Графиню, побежал мимо сиж, останавливаясь у некоторых и прислушиваясь к чему-то, что было доступно только ему. Я обратился к кошке:

– Как он это делает?

– Мьяяу, – мелодично ответила она.

А Мряв снова фыркнул и направился прямо к воде. Остановился у кромки берега, сел и наклонил голову к самой поверхности реки. Потом посмотрел на меня.

– Чего ты хочешь? Чтобы я сделал так же?

– Мьяяу, – подтвердила за своего кавалера Графиня.

– Ну ладно.

Я догнал кота и наклонился ухом к самой воде. Плеск волн. Ветер в камышах.

– Не слышу, Мряв.

– Пффф, – снисходительно ухмыльнулся он и отошёл к Графине.

Я не стал разбираться, просто собрал удочку и закинул как можно дальше. Поклёвка, разумеется, не заставила себя ждать. Я вытащил небольшую уклейку и повернулся к неразлучной парочке. Они всё ещё сидели рядом и смотрели на меня. Немного свысока, осознавая какой-то секрет, недоступный мне. Но благодарно. Будто говорили: «Спасибо за нас».

– И спасибо за рыбу.

Я ошарашенно посмотрел на Мрява, но тот молчал.

Показалось.

Наверное.



# ВАСЯ ПИЛ УЖЕ ТРОЕ СУТОК...



**Юлия Рыжова,**  
п. Бологово,  
Андреапольский район

## Внимание: конкурс!

Безудержному веселью, казалось, не было конца. Но оборвалось всё в одночасье, когда жена вернулась из командировки, и «крутой мужик» был заперт в подсобке с канистрой холодной воды, грустными мыслями и больной головой.

...Самоизоляция явно пошла на пользу, так как через пару дней Ва-

сильи начал скучать и проситься на работу.

Май набирал обороты, как-то резко всё позеленело. Пели птицы. Жизнь налаживалась. Бодрой походкой он двигался к пригородному поезду, чтобы добраться к месту работы...

Тётка на входе в вагон проверяла билеты. Не терпелось начать «новую жизнь». Спокойную обстановку нарушил резкий окрик:

– Почему без намордника?!

Василий опешил. Обращались к нему. Он прокрутил в голове за пятнадцать секунд события последних дней... «Что я упустил? Не побрился? При чём тут это? Ввели новый режим? Так и остальные без намордников...» Не придумал ничего, что бы могло оправдать его безответственное поведение, просто ляпнул:

– Дома забыл...

На что тётка, подбоченясь, язвительно хмыкнула, загородив собой проход в вагон:

– Как забыл?! Ишь ты, дома забыл.

А собаку не забыл!

И тут только Вася увидел рядом с собой собачку, которая крутилась возле пассажиров и провожающих, настороженность и внимательность коих вдруг разрядилась диким хохотом...

Молоденькая девчушка заползала в вагон, держась за живот от смеха. С тех пор мы здороваемся. Всегда.

\*\*\*

Светит в небе «волчье солнце». Ярко вызвездило ночь. Тихо дышится морозцем, Грусть из сердца рвётся прочь. Первобытный вой наружу Так и рвётся из груди – словно хочет обнаружить Тайну Млечного Пути. Холодит. Но неохота Возвращаться мне к теплу. В сердце вызвездилось что-то, Изнутри развевая мглу. Зарифмованная вечность, Упоенье выспавших сил. Постигая человечность, Дикий зверь в груди завыл.

**Виктор Королёв,**  
Белый

\*\*\*

Ем я как-то супчик, Перед ним стаканчик. Глядь – в супу голубчик – Чёрный тараканчик. Я его на ложку, Чувствую, – тошнит. Тот задрогал ножкой, Усом шевелит.

Приоткрыл вдруг ротик, Приоткрыл, и что ж – Пискнул идиотик: «Много, братец, пьёшь».

**Владимир Новиков,**  
Нелидово  
(1975, август)

содружество литераторов  
*Вережово-жыя*

## Дом у реки

Манекены одеты нелепо  
И стоят в освещённых витринах.  
Так и мы, проводившие лето,  
Заточённые в маски из грима,

Созерцаем безумие улиц,  
Суету задымлённых проспектов.  
Даже если бы мы улыбнулись,  
Разве кто-то поверил бы в это?

А вдали, в полутьме побережья –  
Тихий дом. Заколочены окна,  
И свисают с карниза небрежно  
Перепутанной пакли волокна...

Он мне снится другим, будто не был  
От людского беспамятства в шоке,  
И кудрявится кованый стебель  
У мансарды, в изгибе решётки.

На узорной скамье возле дома  
В этом сне улыбаюсь прохожим,  
А за речкою – храм невесомый  
На чудесный град Китеж похожий.

**Мария Парамонова,**  
Тверь

## Щека к щеке...

Щека к щеке. Как занавесом сцена,  
мы шторой от зимы отделены.  
И полумрак, и голос Джо Дассена,  
и робкая податливость спины.  
И свитер к свитеру – уже нас не  
заснежить,  
тепло к теплу, два сердца в унисон,  
и где-то вдалеке – щемяще-нежно –  
простуженный и грустный  
саксофон.

Щека к щеке. Навек неразделимы  
мы в этом танце вопреки зиме.  
Мелодия...

– Любимая...

– Любимый...

И Новый год на грешной, на земле.

**Владимир Юринов,**  
Андреаполь



## ПТИЧЬИ ПЕРЕКЛИЧКИ



**Святослав Кетлеров,**  
*г. Нелидово*

Грачи прилетали и скворцы, пели у дороги чибиcы... Нету! Первой замеченной утратой стали чибиcы или пиздрики, как их называли в наших краях... Единственное знакомство с чибиcами, которое успело для меня состояться, связано с турпоходом после третьего класса, организованным Марией Дмитриевной Федуловой, учительницей наших начальных классов.

На автобусе доехали до определенного места у Монино, потом шли пешком до озера Батуриiнское, на берегу которого в деревеньке у Марии Дмитриевны жила бабушка-родня, в избе которой мы и ночевали на полу. Питались отдельно, готовили пищу на костре. Почему вспомнил? На очередную детскую шалость бабушка отреагировала: «Вот пиздрики!». Последовали бурные дебаты и нам объяснили, что пиздрики – птицы, другое название которым чибиcы. Они тоже шумны и пискливы. И невольно вспомнились стаи птиц над полями, сопутствующие нашему походу.

В это время в Москве очередной замполит, достигший вершин вла-

сти, дополнил формулу коммунизма химизацией. И на поля посыпался вместо навоза и торфа с разумной дозой удобрений град химии. Короче, чибиcы исчезли. Апофеозом химизации для озера Батуриiнское была утечка аммиака из емкости, поставленной на берегу. Потом ещё несколько лет был праздник прилёта скворцов, скворечники были в каждом дворе, мы ревниво смотрели на их заселение. Грачи прилетали раньше скворцов и отличались от ворон яркими желтыми клювами.

Примерно тогда же после выруб-ки хвойных деревьев и посадок елочек, на которые школьники тоже привлекались, последовала попытка прополки еловых посадок тоже с привлечением школ. Кардинальное решение нашлось в химии – долго и упорно наши леса опылялись, и должны были гибнуть только лиственные деревца, по идее. Но вместе с ними гибли животные, попавшие под этот метил оранж: от зайцев до лосей... Затем отравленные ручейки несли смерть в речки, и гибла живность речная. Короче, грачей и скворцов тоже не стало, но им на смену стали прилетать чайки, созданные переживать солёность воды. Для наших мест чайки стали перелётными.

Потом случилась «черноболизация». На здании администрации долго висел счетчик радиоактивности, но конкретных карт с указанием зон повышенной радиации я не видел. Зато видел берёзовые дрова с чёрными дуплами, даже с первого взгляда было ясно – места расположения дупла по годовым кольцам на дереве соответствуют дате аварии на Чернобыльской АЭС.

На очереди «мусоризация» наших мест. Какие проблемы будут этому сопутствовать?!

Ещё о пиздриках... «Складывать пиздрики», – так мамы и бабушки в наших краях говорили о плохом настроении малых ребят. Давайте не будем их складывать, а будем защищать родную природу.

\* \* \*

Бреду по ненастью,  
Мой голос простужен,  
А может, и к счастью,  
Что здесь я не нужен.  
Не нужен ни мужем,  
Ни другом, ни братом.  
Шагаю по лужам  
И тенью горбатой  
В воде отражаюсь,  
Большой, неуклюжий.  
И больше не каюсь,  
Что я не заслужен,  
Не важен, не знатен,  
Что жизнь моя сплошь  
Из проколов и пятен.

По окнам бьет дождь.  
Я в случайной кафешке.  
Сосиска на ужин,  
Жую ее в спешке.  
Пиджак не утюжен,  
И я неугоден.  
Чем хуже, тем лучше –  
Свободен, свободен.

Слепой и заблудший,  
Я не понимаю:  
Совсем не свободы,  
Иного желаю.  
Уймется погода –  
Потребуюсь срочно.  
Такой неуклюжий  
Кому-нибудь точно  
Я важен и нужен.

**Маргарита Петрова,**  
*Андреаполь*

\* \* \*

Потек багрец по лезвию луча –  
Разрезал тучи огненный клинок.  
Попав в закат наотмашь, сгоряча,  
Диск солнца день от вечера отсек.

Нырнул под снег, не чувствуя вину.  
И потускнев, уплыл неслышно прочь.  
В февральскую упала белизну  
Студеная сиреневая ночь.

Свет по минуте добавляет дню,  
Но генерал-Мороз еще силен.  
Весна измяла снега простыню:  
Похоже, снится ей хороший сон.

**Иван Курничёв,**  
*Нелидово*



## МОРЯК С ПЕЧКИ БРЯК



**Наталья Шабанова,**  
г. Андреаполь

### Внимание: конкурс!

– Моряк вразвалочку сошёл на берег, – услышал Василий ехидный голос своей жены Зойки, как только скинул с дивана свои недружные ноженьки и шаткой походкой попытался подойти к окошку, где как-то блёкло скользил по стеклу одинокий солнечный луч.

Василию хотелось понять: то вечерний закат или ранний восход? Спросить у жены, какое сейчас время суток да какого дня, он не решился, а уточнить страсть как хотелось. Василий на своей шкуре испытал, что Зойка и без завода хорошо заводится, а тут и вовсе грандиозный скандал намечается, слишком уж повод серьёзный: затянущаяся пьянка, так сказать.

– Что, моряк с печки бряк, укачала тебя трёхдневная стихия? Не унималась жена.

– Укачала! Вон как палубу пузом драил – вся майка грязней грязи. А на мачту как карабкался, чуть новую люстру не рассадил! И в каюте от наглых пиратов защищался, такую оборону держал, что фингал до сих пор под глазом лучше любого фонаря светит. Ай да герой!

Зойка набирала обороты:

– Соседи видели, как белочка к нам забегала третьего дня. Даже интересовались, прижилась она у нас или только погостила? А ты, Вася, помнишь, как она по твоей голове прыгала, всё норовила чуб твой выпщипать, даже я ей немножко подмо-

гнула. Такая белочка была юркая да бойкая!

– Вот, опять она больную струну задела, – думал про себя Василий.

Когда-то он служил на флоте, чем сильно был горд. Да и Зойка, наверное, больше его полюбила за форму моряцкую и выправку молодецкую. Что греха таить, заглядывались на него девчата. Что хорошо, то хорошо был Василий в молодые годы!

– Ах ты, мать честная, курица лесная, куда всё делось, какой волной смыло? – думалось Василию в эту нелёгкую минуту. Мысли уносили его в то далёкое прошлое, где он чувствовал себя человеком, и так хорошо было, а тут опять эта Зойка с какой-то белочкой! Так и лезет под кожу, так и норовит ужалить, яд выпустить, кобра зубастая!

Зойка тем временем расплылась всё больше и больше. Припомнила целую батарею бутылок в коридоре и под столом, банку с бражкой, солёные огурцы в полупустых банках, лишённые рассола, огрызки лука и хлебные корки, пропахшие таким перегаром, что даже куры не клюют, за версту воняют.

День не то догорал, не то разгорался, Васька этого так уточнить и не смог, как и то, какая стихия тут бушевала три дня и три ночи, а может, и больше. Но то, что родные ноженьки его не держат, подгибаются в коленках, грозят в любую минуту подкоситься, он понял сразу. Да к тому же и в голове как-то шумно постукивают молоточки, и брюхо свело, совсем заглохло, рученьки ослабли, пожалуй, и гранёный стакан не удержат. Беда! Совсем беда!

– Дать бы этой Зойке достойный отпор, чтоб неповадно было другой раз над больным мужем изгаляться, да куда там? Самому бы не схлопотать по горбине, пусть уж лучше языком помолотит, авось утихнет, – думал так Василий и в то же время понимал, что терпелива она, его Зойка. Валяется он хуже палубной швабры, распускает порой и язык и руки, куражится, как вошь на гребешке, и всё от этой противной пьянки, а она терпит, не пакует чемоданы, не выставляет его за дверь, а терпит и терпит.

Бывало, проснётся от таких дум в глубине Васькиной души маленькая совесть, и затихнет он, делается кротким и ласковым, до следующего загула.

Окошко засинело и растворилось в темноте. Утихла и Зойка: разразившаяся в ней буря отбушевала.

Пристыжённый Василий царапал щетиной подушку и ворочался с боку на бок на просевшем засаленном диване. Хотелось бы представить ему море с белокрылыми чайками, а виделся почему-то стаканчик беленькой. Аж в горле пересохло...

### ПРИСНИЛОСЬ МНЕ

Приснилось мне, что плаваю в пруду,  
Кузнечики стрекочут в отдаленье...  
То вдруг нырну, а то по дну иду,  
Коленками цепляясь за коренья.

Зелёной ряской шею оплело,  
В кудрях запутался листок аира.  
А телу так приятно, так тепло,  
И в сердце расцвели все краски мира!

Вдруг чья-то тень упала с высоты  
О Боже мой! Так это же мужчина  
Невиданной доселе красоты!  
Стоит и усмежается, скотина!  
И руку тянет мне: мол, выходи!  
У-у-у, как хорош: глаза, фигура,  
рост!

– Сейчас-сейчас, ты только погоди!  
Но что это со мной?! Где ж ноги?  
Хвост

Русалочий – от талии и ниже –  
Блестит, переливаясь чешуёй.  
Дня белого от ужаса не вижу,  
В глаза плещу холодной струёй

И просыпаюсь... Шевелю ногой –  
Конечности на месте! Муж под  
боком.

Пусть не красавец-мачо, но родной!  
Однако станет тайной сон-морока.

*Светлана Виноградова,  
Нелидово*

### ЭТО РАЗВЕ ГОЛОЛЁД

Это разве гололёд,  
Если скрыт под лужей лёд?  
Здесь уже другой резон –  
В лужу падать не сезон!  
И у всех в походке вязкой  
Тайная сквозит опаска –  
Не большая будет честь  
И на лёд, и в лужу сесть.

*Святослав Кетлеров,  
Нелидово*



ВОТ ТАКИЕ ОНИ, МУЖЧИНЫ...

**ЗАРИСОВКА ИЗ ОКНА**

На безлюдной улице  
Богатырь мужчина  
Под дождём сутулится,  
Знать, не без причины.

Меж ручьями ловкими,  
Точно не от счастья,  
Хлюпает кроссовками  
По проезжей части.

А в тепле бревенчатом,  
Как укор немая,  
Маленькая женщина  
Пальцы зло ломает.

Не прощён, не верен. Но  
Лишь о ней кручина.  
Мальчиком растерянным  
Мечется мужчина.

*Маргарита Петрова,  
Андреаполь*

**ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?**

Что есть любовь?..  
Желание прильнуть?  
Сердечный стук, подпрыгнувший до  
горла?  
Иль – по-хозяйски: ласково, но  
гордо –  
твоя рука, ласкающая грудь?..

Что есть любовь?..  
Припрятанный алмаз?  
Потребность трепетать за взгляд, за  
малость?  
И нежность?  
И печаль?  
И благодарность?  
И благодарность до горячих глаз?..

Что есть любовь?..  
Не знаю... Не скажу..  
С тобою столь надёжно и привычно,  
что, если вдруг и – без,  
то – безразлично:  
лежу, хожу, дышу иль не дышу..  
Ночь без тебя настолько не согреть,  
и всякий день тобой настолько  
светел,  
что, если ты посмеешь умереть, –  
я не прощу тебя до самой смерти.

*Владимир Юринов,  
Андреаполь*

**СЕГОДНЯ ТЫ ОПЯТЬ  
ЗВОНИЛ**

Сегодня ты опять звонил,  
Рассказывал кто приходил  
К тебе, куда ты сам сходил,  
На завтрак, на обед, что ел,  
Во что обулся, что надел.  
Сказал, что тётя приболела,  
Заметил как бы между делом,  
Что я с той тётей не знакома...  
Потом сидел весь вечер дома,  
Смотрел футбол, грел суп на кухне...  
И дальше что-то в том же духе.  
Тебя я слушаю, зеваю,  
Всё вижу, словно наяву,  
И жизнью я твоей живу,  
И жить своей не успеваю.

*Наталья Иванова,  
Пено*

\* \* \*

Или мы мозгами слабы,  
Иль такая наша жизнь,  
Но не разберёшься в бабах,  
Сколько с ними ни возись.

*Михаил Никоноров,  
Андреаполь*

**НЕ СЫСКАТЬ ЖЕЛАННЕЕ  
ТЕМНИЦЫ**

Светом фар распугивая тьму,  
Повороты тормозам вверяя,  
Мчусь к тебе в заветную тюрьму,  
Сердцем километры отмеряя.

За калиткой старой – тайный ход.  
И луна с ухмылкой воровскою  
Верит, что в острог меня ведёт,  
А по мне так – в царские покои.

Пёс пролает: «Ладно, не дрожи.  
Ждут тебя давно в застенке этом.  
Вон морозных окон витражи  
Ожиданьем долгим отогреты.»

Рук твоих оковы горячи.  
Не сыскать желаннее темницы...  
... Спрячу-ка я в сумочке ключи.  
Вдруг да надоест мне здесь  
томиться.

*Светлана Большенкова,  
Нелидово*

\* \* \*

Я романтик заборов и сорной  
травы,  
Наблюдаю за миром в пролом  
облаков:  
Удивленье – восторг – поворот  
головы,  
Тихий вскрик, не имеющий нот или  
слов.

Долгий стон – или громкий и  
радостный смех,  
Ожидание успеха в привычной  
борьбе.  
В этой жизни я – только лишь  
кто-то из всех,  
Неизвестный, доступный ветрам и  
тебе.

Я уйду сквозь бродяжий огонь  
фонарей,  
Для того, чтобы твой не нарушить  
покой,  
Для того, чтобы грустною песней  
своей  
Не качнуть чьи-то письма под  
нежной рукой.

*Валерий Линкевич,  
Андреаполь*

\* \* \*

Мы с тобою отмечаем времечко  
Принуждает к счёту календарь.  
Не одно за жизнь взрастили  
семечко,  
С пивом съеден не один сухарь.

Вдоволь почудили. Бесы ль путали?  
Биты были. Ох, ядрёна вошь!  
Оглянулись, повязали путами.  
Как коней. Захочешь не  
взбрыкнёшь.

На печи ль, по лету ль на завалинке,  
Нахлобучив дедовский треух,  
Брешем внукам не про цветик  
аленький,  
А про то, что жив покуда дух.

*Фёдор Чибисов,  
Нелидово*